

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВИЧА НАГОРНОГО

Уход из жизни Александра Алексеевича Нагорного стал огромной потерей для газеты "Завтра", для Изборского клуба. Его уход стал потерей и для российской политики. Хотя он не был публичным деятелем, назойливо мелькающим со своим суждением во всех СМИ, но он был политиком глубинным: уникальным координатором, модератором, человеком, устанавливающим контакты и связи разных политических групп, общественных движений. Он был прекрасным аналитиком, стратегом, чувствующим мировые политические тенденции.

На заседании Изборского клуба, посвященном выходу книги "Александр Нагорный. Избранные работы", его коллеги, соратники вспоминали этого уникального человека, гражданина, товарища.

ЧЕЛОВЕК ГРЯДУЩЕГО

Сергей ГЛАЗЬЕВ:
"Саша был очень ярким, талантливым, творческим человеком. Его умение собрать самых разных людей, умение деликатно, ненавязчиво зажечь их своей идеей — уникально. В наше время трудно заставить человека, завести, и люди выкладывались, чтобы выразить своё мнение, позицию, старались соответствовать тому уровню, который Александр задавал. Когда он просил написать материал, то умел ясно сформулировать свои пожелания.

Он непринуждённо создавал атмосферу творческого подъёма, был оптимистическим человеком. Причём он собирал подчас совершенно разных людей, но при этом не было никого лишнего: он так умел построить работу, что все, даже самые разные люди, друг друга дополняли, и, хотя дискутировали между собой, но дискуссии носили доброжелательный конструктивный характер. Он никогда не приказывал, не ставил жёстких установок, всё делал очень деликатно и обаятельно.

Саша не терял веры в хорошее будущее, не унывал, сталкиваясь с самыми провальными ситуациями нашей действительности. От него не исходило никаких признаков уныния. Казалось, что нарастание трудностей зажигало в нём всё больше азарта и энтузиазма. Он был незаменимым человеком, и я остро ощущаю его уход."

Владимир ОВЧИНСКИЙ:
"У Саши было удивительное редкое качество: сочетание ненависти, непримиримости к врагам и предателям, убеждение, что враг — враг до конца, и в то же время очень мягкое, терпимое отношение к чужому мнению, даже если оно не совпадало с его позицией. Он стопроцентно разбирался в людях, никогда не ошибался: данная им оценка оказывалась верна."

Александр АГЕЕВ:
"Сегодня мы хотим понять мистический, магический смысл Александра Нагорного, его человеческий, повседневный смысл и хотим вскрыть источник его энергии. В некоторых профессиях есть привычка ставить себя на место цели, аудитории, оппонента. Тогда человек сам переворачивается в оппонента и понимает его даже без слов. Александр Алексеевич умел слышать смыслы там, где слов нет, он брал смысл из глубины человека или явления."

Мурат ЗЯЗИКОВ:
"Когда я впервые встретился с Александром Нагорным, он сразу расположил к себе, дал почувствовать, что я — свой в кругу изборцев, очень авторитетных людей. Впервые посетив заседание Изборского клуба, я был удивлён, что такой небольшой коллектив является столь влиятельной интеллектуальной силой. И это во многом благодаря

Александру Алексеевичу, его знаниям и аналитическим способностям.

Помню, как на одном из мероприятий собрались эксперты, специалисты по южному региону нашей страны. Высказывались разные мнения, суждения, оценки. Нагорный всех слушал и в итоге резюмировал всё сказанное буквально несколькими точными штрихами, расставив аргументированные акценты. Он дал точную характеристику общественно-политической обстановки, высказал свой прогноз, оказавшийся верным."

Сергей БЕЛКИН:
"Александр Алексеевич увидел во мне многое, что я сам в себе не подозревал. У нас были общие поездки, мероприятия. В частности, мы принимали участие в проходивших на Родосе конференциях, в которых участвовали дипломатические работники, высшие должностные лица разных государств, главы крупнейших мировых корпораций. И все присутствовавшие там, как в формальной, так и в неформальной обстановке собирались вокруг Нагорного, и не было человека, которому он был бы неинтересен."

Юрий ТАВРОВСКИЙ:
"Саша — уникальный китайст, глобалист и прогнозист. Он всегда исходил из национальных интересов страны, мог видеть на 360 градусов и давать редкостный обзор мировой политической ситуации."

Владислав ШУРЫГИН:
"Александр Алексеевич любил открывать людей, считал их оружием в той борьбе, что нам приходится вести, и постоянно всюду искал новое оружие — новых людей, и к нему шли люди, он притягивал их. Был терпимым ко всем, кроме врагов, умел поддерживать отношения, дорожил каждым человеком, понимая, что всё держится на людях."

Дмитрий ЛОБАНОВ:
"Помимо того, что Александр Алексеевич был мыслителем и стратегом, он был умелым организатором. Благодаря ему моё издательство "Книжный мир" приобрело уникальных авторов. Известно, что книги многих авторов на те или иные темы люди боятся поддерживать: их издание, распространение. А Александр Алексеевич — титан нашего времени, лихой гусар, не боялся идти и убеждать людей поддерживать выход таких книг, умел найти нужные слова."

Александр ПРОХАНОВ:
"Впервые я увидел Александра Нагорного, Сашу, познакомился с ним на одной из клубных встреч у Сергея Кургина, на которых Саша бывал до последнего времени. Мне был необходим человек, который взял бы на себя функцию вести рубрику "Табло": это уникальная информация, которая зачастую появляется только в нашей газете. И Сергей Еврашевич сказал, что есть человек, который может эту работу выполнять, это Нагорный.

Он был глубинно советским человеком, вёл свою советскую родословную из революционных времён, из гражданской войны.

Паразитительный эрудит, интеллеktуал, чем никогда не бравировал. Просто по брошенной им в разговоре фразе можно было понять, что он — знаток мировой истории и культуры.

У него было стратегическое образование, мышление: он знал огромные мировые оси — от Пекина до Сизгла, вращался среди этих осей, сам вращал эти оси. Его присутствие в газете делало её глобальной, делало её политическим явлением.

Он был обворожителен, был превосходным другом, товарищем — преданным, ярким, довольно яростным, кстати, со многими входил во временные конфликты, которые были связаны с газетными текстами, с представлениями об идеологии: он добивался от авторов, чтобы статьи имели чёткую конфигурацию.

Удивительно, что за всё огромное время, что я был рядом с Сашей, у нас было мало душевных исповедальных разговоров. Всё дело, дело, работа: осорились, спорили, находили компромиссы. И так день за днём, год за годом... Но иногда нам удавалось посидеть без шума, суety. Как-то мы сидели в маленьком ресторанчике на воде на Патриарших прудах, беседовали о природе, о родне, о божестве, о прекрасном. И когда кто-то заходил в ресторан, он качался. И наш разговор проходил под удивительные колебания патриарших вод.

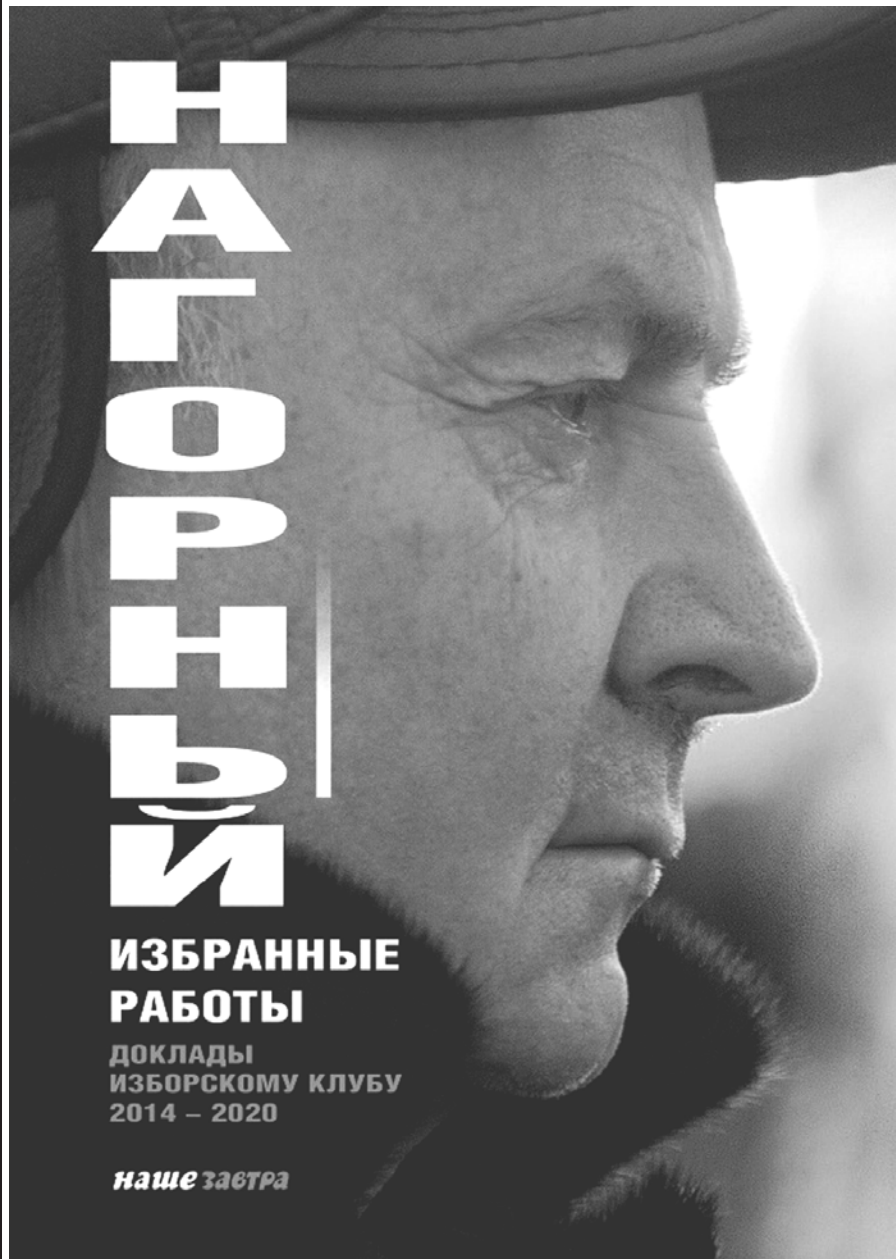
Книга его избранных работ не охватывает всего того, что в нём было, что по сей день живёт в нас, его друзьях и коллегах. Скорее, это не эпитафия, а это — его визитка, которую он нам раздаёт, чтобы мы помнили его, чтобы помнили о том, как он любил свою семью, своих близких, как дорожил всеми нами.

Александр Алексеевич был человеком длинной воли. Многих людей ожидание победы, когда блеснёт надежда, а потом опять смыкаются тучи, и снова мрак, тьма повергли в уныние, из которого они до сих пор не востали. Но черта Нагорного, может, и черта многих изборцев — это понимание, что энтропию можно победить только непрерывными, долгими усилиями и усердием, любовью. Иногда думается: "Мы толчём воду в ступе". Но говорили: "Нет! Мы всё равно будем этим заниматься, и энтропия будет сломлена". И она потихоньку, мучительно, но ломается. И это — его и наша заслуга, это работа для грядущего. Его, как и многих из нас, поддерживало ожидание победоносного времени.

Как сказал Блок:

*"Но не эти дни мы звали,
А грядущие века."*

Александр Нагорный был человеком грядущего."

В издательстве "Наше Завтра" вышла книга Александра Нагорного "Избранные работы", где собраны его доклады Изборскому клубу за период с 2014-го по 2020-й год, формирующие целостное, концептуальное видение тех проблем, которые стоят в настоящее время и перед Россией, и перед государствами "постсоветского пространства", и перед человечеством в целом.

ЛЮБАЯ "ЗНАКОВАЯ" ДАТА включает в себе сразу три слоя смыслов: внешний формальный, внутренний формальный и внутренний содержательный.

Праздничная 7 ноября (25 октября по "старому стилю", т.е. по юлианскому календарю) как Дня Великой Октябрьской социалистической революции впервые официально было установлено Постановлением Президиума (верховного органа государственной власти в перерывах между съездами Советов и сессиями его Центрального Исполнительного Комитета) ЦИК СССР от 26 октября 1927 года "О праздничных днях, посвящённых годовщине октябрьской революции, и об особых днях отдыха", в котором говорилось:

"Учитывая потребность трудящихся Союза ССР в наиболее полном ознаменовании дней годовщины октябрьской революции и связанных с нею достижений на пути социалистического строительства — Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

1. Годовщина октябрьской революции ежегодно, начиная с 1927 года, празднуется в течение двух дней — 7 и 8 ноября.

Производится работ в эти праздничные дни воспрещается на всей территории Союза ССР (за исключением тех общественно-необходимых предприятий и учреждений, в которых работа должна производиться бесперерывно).

2. Особые дни отдыха устанавливаются, начиная с 1928 года, в числе семи в год, в порядке, определяемом кодексами законов о труде союзных республик.

3. Центральным исполнительным комитетам союзных республик предлагается согласовать законодательство союзных республик с настоящим постановлением".

Как можно видеть, ни Великой, ни социалистической, ни даже Октябрьской с большой буквы в данном документе события тогда десятилетней давности не именуются. До того празднование 7 ноября ежегодно осуществлялось, можно сказать, явочным порядком и стихийно "красной", революционной частью тогдашнего населения страны — разумеется, при поддержке органов центральной и местной советской власти, а также организаций коммунистической партии. Более того, долгое время события, приведшие к свержению Временного правительства и установлению в стране власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов публично именовались — даже лидерами новой власти — "октябрьским переворотом" и "октябрьским восстанием".

Отмечается, что с середины 1920-х до середины 1930-х годов наиболее употребительным стал термин "Октябрьская революция", хотя и он утвердился не сразу. Например, речь М.И. Калинина на торжественном заседании 6 ноября 1926 года называлась "К IX годовщине советской власти". Но уже в 1927 году доклад Н.И. Бухарина именовался "10-я годовщина Октябрьской революции", в 1928 году доклад А.В. Луначарского — "12-я годовщина Октябрьской революции", доклад В.М. Молотова в 1931 году — "Октябрьская революция и борьба за социализм", его же в 1933 году — "К годовщине Октябрьской революции". Термин же "Великая Октябрьская социали-

ИЗ ВОЙНЫ В РЕВОЛЮЦИЮ

Глава из книги

стическая революция" впервые публично прозвучал в речи Е.М. Ярославского в январе 1935 года на VII Всесоюзном съезде Советов — правда, в форме "Великой социалистической Октябрьской революции". Окончательное же и привычное для нас название "Великая Октябрьская социалистическая революция" данное историческое событие приобрело только на страницах "Краткого курса истории ВКП(б)", опубликованного в 1938 году.

Таким образом, понадобились 21 год, чтобы сформировать более-менее устойчивый образ данного события и, соответственно, его "имя". Даже в Конституции СССР 1936 года ("сталинской") про Октябрьскую революцию 1917 года не говорится ни слова, хотя Конституция СССР 1977 года ("брежневская") открывается словами: "Великая Октябрьская социалистическая революция, совершённая рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство — государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма".

Уже отсюда понятно, что "мифологизация" даты 7 ноября с течением исторического времени в отечественном (советском) обществе только нарастала, пока не достигла критической массы и не превратилась — на уровне государственной власти — в свою полную противоположность.

Наиболее "фундированную" либерально-прозападную версию по данному поводу высказала доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН Ирина Глебова в статье "Выбор России. В октябре 1917-го Россия проиграла своё будущее", опубликованной 2 ноября 2016 года "Независимой газетой" (главный редактор — нынешний "теневого идеолог" Кремля Константин Ремуков):

"Революция в её октябрьском изводе была направлена против освободительной, демократической, европейской линии русской истории. Она дала пример не эмансипации индивида, но его нового закрепощения; отбросила Россию на особый путь, на котором страна отказалась от всех достижений цивилизации. Реакцией на все сложности, которые принесла в страну на рубеже XIX–XX веков современность, стал массовый запрос на упрощение, примитивизацию.

Для России падение 1917 года оказалось окончательным и бесповоротным. Полная катастрофа произошла с властью: весь XX век её бросало от кровавой диктатуры к полицейщине. Лучшее её время — застой: состояние внутреннего разложения, когда верхи паразитируют на природных запасах, прошлых достижениях, человеческих слабостях и т.д.

Была разрушена старая, многообразная, сложная социальная структура, связанные с нею формы жизни. В войне и революции покончила самоубийством Россия европейская. Это означало конец гражданского общества, гражданского активизма, вымирание людей европейского склада. Всё это победила Россия неевропейская. Мы — её наследники, потому и не забываем Октябрь как свою революцию. Но победа очень быстро обернулась поражением. Превратилась естественная, мирная эволюция традиционной России. Её тоже упростили, лишили творческого потенциала, источников самостоятельности. Она закончилась в колхозах.

Проиграли все. Рванув из войны в революцию, страна, по существу, проиграла будущее, закрыла для себя те возможности, те перспективы, которыми располагала и которые обещала довоенная и до-революционная Россия" (http://www.ng.ru/ideas/2017-11-02/5_7108_time.html).

Нарисованная И. Глебовой картина является полным зеркальным "негативом" того безусловного "позитива", который наполнял в советскую эпоху официальное содержание даты 7 ноября как празднования Дня Великой Октябрьской социалистической революции. Даже более того, она призвана "вбить" в общественное сознание современной России тот же тезис об "отсталости" и "неполноценности" населения нашей страны и (по умолчанию) структур её государственной власти сравнительно с "цивилизованным миром", от полученных "мирным, естественным и эволюционным путём" достижений которого оно в 1917 году якобы отказалось вследствие революции и установления советской власти.

Доктору политических наук, видимо, не обязательно и даже противопоказано знать историю, особенно — в её хотя бы минимально очищенном от пропагандистской мифологии виде.

Ключевой вопрос здесь заключается в том, на что могла рассчитывать Россия в случае отказа "рвануть из войны в революцию". Ответ на этот вопрос могут дать и судьба Австро-Венгрии, и судьба Российской империи, и судьба — через 70 с лишним лет после 1917 года — самого Советского Союза.

И эту гипотетическую "безреволюционную" судьбу нельзя назвать сколь-нибудь приемлемой с точки зрения отечественной государственности и русской цивилизации в целом. После февраля 1917 года Временное правительство, находившееся в тесном взаимодействии и, можно сказать, под контролем государств Антанты, вело дело к расчленению бывшей Российской империи и возмнижению на её территории множества малых национальных и псевдонациональных, "областных" государств, существование которых наверняка было бы легитимировано международными соглашениями после окончания Первой мировой войны.

Кстати, весьма показателен тот факт, что США официально объявили войну блоку "Центральных держав" только 6 апреля 1917 года, когда стало понятно, что Российской империи больше не существует, а потому все обязательства "союзников" перед ней могут быть аннулированы. И в тот же день 6 апреля союзные Антанте японские войска высадились во Владивостоке. Арест Николая II состоялся 10 (22) марта 1917 года, а 10 апреля король Великобритании Георг V официально уведомил Временное правительство, что ранее сделанное им приглашение бывшего российского императора отзывается — из-за "негативного отношения общественности".

В то же время, как известно, "главоверх" адмирал Колчак был принят на службу в британскую армию, и вообще степень зависимости "белых" армий от внешних покровителей была близка к абсолютной. Собственно, большая часть истории гражданской войны 1918—1922 годов была историей вооружённой борьбы Советского правительства против иностранных интервентов и созданных ими "туземных" армий — в рамках типичной колониальной практики того времени, но, разумеется, применительно к местным условиям. Уже 23 декабря 1917 года в Париже было заключено англо-французское соглашение (Сесилия—Милнера) о разделе России на зоны "влияния" и поддержке всех "национальных" и прочих правительств, которые требовали суверенитета на её территории. Признание этих правительств предполагало оформить после победы над "Центральными державами", а их статус вряд ли мог оказаться выше, чем статус, например, Чехословакии, которую Великобритания и Франция сначала даже всячески "накачивали", но затем спокойно пожертвовали Гитлеру по итогам Мюнхенского соглашения 29-30 сентября 1938 года.

В самой партии большевиков в то время "агентура Антанты" также была чрезвычайно влиятельна и сильна, а её борьба против возглавляемых Лениным сил была неотъемлемой составной частью Первой мировой войны — достаточно вспомнить историю заключения "похабного" Брестского мира (3 марта 1918 года), собственно, и приведшего к началу Гражданской войны, "сигнальным выстрелом" для чего стало восстание чехословацкого корпуса 25 мая 1918 года, а затем — создание эсеровского Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания (КОМУЧ) 8 июня в захваченной чехословаками Самаре и "левозероверский мятеж" 6 июля. Все эти акции проходили под плотным "кураторством" официальных и неофициальных представителей государств Антанты, чьей задачей было в результате ослабления и возможного свержения власти большевиков отвлечь хотя бы часть сил Германии и её союзников от решающих битв на Западном фронте, затруднить поступление сырья и продовольствия с занятых немецкой армией территорий бывшей Российской империи. С другой стороны, "проанглийские", "профранцузские" и "проамериканские" силы внутри самой партии большевиков не препятствовали интервенции стран Антанты на российской территории — так появились "легалы", с разрешения Троцкого, десанты "союзников" в Мурманске (Романов-на-Мурмане) и Одессе, датируемые мартом 1918 года, а также оформленные решениями местных Советов пребывание их сил в Одессе и Закавказье.

Есть все основания полагать, что если бы планы Лондона и Парижа по отношению к России в 1918—1919 годах оказались осуществлены, наступление войск Антанты, несмотря на потери, не было бы остановлено в ноябре 1918 года, и бывшую Германскую империю в итоге разделили бы на части отдельных и "независимых" государств — точно так же, как разделили империю Австро-Венгскую. Но "единая Германия" (сначала — Веймарская, а затем — и нацистская) оказалась нужна англичанам и французам как "естественный" противовес для единой Советской России, утратившей, по сравнению с Российской империей, только Царство Польское, с частью западно-украинских и западно-белорусских земель, а также Великое княжество Финляндское, прибалтийские губернии (где появились "новые независимые государства" Литва, Латвия и Эстония), небольшие территории Закавказья и оккупированную Румынией часть Бессарабии.

Разумеется, в ходе гражданской войны 1918—1922 годов под разными предлогами на территории России уничтожались и разрушались в первую очередь промышленные предприятия и железные дороги. Промышленное производство в 1921 году составляло около 15% от максимума 1916 года, из 75 тысяч верст железных дорог оставались действующими только 15 тысяч (20%), общие экономические потери только по результатам гражданской войны исчислялись в 39 млрд золотых рублей, а демографические — в 25 млн человек (без учёта отделившихся и захваченных иностранными государствами территорий).

Именно на этом основании Советское правительство отказалось от признания долгов царской России перед государствами Антанты и возврата национализированных активов иностранным собственникам.

Подводя итоги, можно сказать, что альтернативой "прыжку из войны в революцию" для России 1917 года был только "прыжок из войны в могилу". И наша страна, как боец Фёдор Сухов из кинофильма "Белое солнце пустыни", выбрала вариант "Желательно помучиться".

В итоге получилось то, что получилось. И фиксация даты 7 ноября в качестве Дня Великой Октябрьской социалистической революции в середине 30-х годов прошлого века стала возможной только вследствие полной внутриполитической победы "сталинизма" в Советском Союзе. А эта линия, в свою очередь, заключалась в ставке не на "мировую революцию", что предлагали "троцкисты", и не на встраивание СССР в мировую систему империалистического капитализма на правах агросырьевого придатка, что предлагали "бухаринцы", а в цивилизационном прорыве, получившем форму "строительства социализма в одной, отдельно взятой стране". Это был триединый процесс индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и "культурной революции", точно осуществлённый в невероятно сжатые исторические сроки.

4 февраля 1931 года, выступая на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин сказал: "Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны преобретать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут". То есть уже тогда, почти за два года до прихода к власти Гитлера, "два народов" располагал весьма достоверным прогнозом (или даже расчётом? — авт.) дальнейшего развития событий и строил свою работу, исходя из весьма жёстких целевых ориентиров и весьма ограниченной ресурсной базы, что во многом если не оправдывает, то объясняет ситуацию всего предвоенного десятилетия на территории СССР.

Вряд ли Октябрьская революция 1917 года могла бы получить имя Великой и социалистической, если бы послереволюционный советский "цивилизационный эксперимент" не оказался настолько удачным и эффективным, что послужил после Второй мировой войны образцом для многих государств, в том числе — бывших колониальных и полуколониальных владений империалистических держав Европы, США (Куба) и Японии (КНДР).

Разумеется, особую роль в историческом наследии Великого Октября играет сегодня опыт Китайской Народной Республики, уже ставшей под руководством Коммунистической партии Китая первой экономикой современного мира и успешно преодолевающей тот "постиндустриальный" технологический барьер, который был заявлен либеральными идеологами и пропагандистами в качестве главного "триггера" уничтожения советского "красного проекта".

Отсюда, не вдаваясь в излишнюю формализацию доказательств, которые, применительно к советским реалиям, и без того достаточно хорошо известны, можно подвести итог первого этапа нашей деконструкции, объектом которого было празднование даты 7 ноября григорианского календаря (нового стиля) в качестве Дня Великой Октябрьской социалистической революции.

Его "внешняя форма" — это утверждение легитимности Великого Октября как источника государственной власти на территории Советского Союза.

Его "внутренняя форма" — утверждение принципа "симфонии" государственной власти и коммунистической партии, опирающейся на идеологию марксизма, с приоритетом второй по "римскому" образцу.

"Внутреннее содержание" — утверждение "правильности" и "исторической неизбежности" политической и социально-экономической победы социализма: сначала — в России как "слабом звене" мировой капиталистической системы, а затем — и во всём мире.

Александр НАГОРНЫЙ

Книгу можно заказать по адресу: день-магазин.рф

К.В. РЯБИНИН

ПРАВОСЛАВИЕ

КАТЕХИЗАЦИЯ

3

ВАСИЛИЙ

МАГАЗИН ДЕНЬ

С.В. ВИНОГРАДОВ и А.В. СТУДАНОВ

ЛОГИКА

УЧЕБНИК ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

МАГАЗИН ДЕНЬ

Б.И. Пелюкин

ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНИК ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

МАГАЗИН ДЕНЬ

И.И. БОГОМОЛОВ

МЕТОДИКА ЧИСТОПИСАНИЯ

1955

МАГАЗИН ДЕНЬ

В.И. СЕЗАННОВ

ВОСПИТАНИЕ ВОЛИ ШКОЛЬНИКА

1954

МАГАЗИН ДЕНЬ

РОДНАЯ РЕЧЬ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ШКОЛЕ

МАГАЗИН ДЕНЬ

ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ

QR CODE

+7 (499) 350-17-79